

Данное произведение является плодом фантазии авторов. Всякое совпадение или же сходство с реальностью имен, названий, характеров и обстоятельств романа является абсолютно случайным и остается целиком и полностью на совести читателя.

Он накинул черный шелковый халат и спустился на первый этаж в библиотеку. Присел к компьютеру. Пальцы забегали по клавиатуре. Пароли, единожды взломанные, открывались легко.

Компьютеры НАСА не заметили несанкционированного вторжения.

К бесчисленному количеству сигналов, которыми непрерывно обменивались компьютер в центре управления полетом в Хьюстоне и спутник-шпион HGS-1, добавился еще один.

HGS-1, находящийся на геостационарной орбите на высоте 36 000 километров над Землей, словно висел неподвижно над одной точкой европейской части России. Его антенны, фиксирующие радиоизлучение, были направлены вертикально вниз. Теперь HGS-1, повинуясь командам из центра, начал наблюдение еще за одним объектом.

Данные этого наблюдения не фиксировались в памяти ЭВМ НАСА. По компьютерным сетям они уносились за тысячи миль от Хьюстона — в частный особняк с наглухо зашторенными окнами.

Человек в шелковом халате вглядывался в огромный монитор.

Его длинные пальцы пробежали по клавишам. Он увеличил масштаб. Основную часть экрана заняла Московская область. Человек выбрал район и увеличил его изображение. Масштаб стал максимальным. Теперь весь экран занимала Москва. На мониторе появились расчерченные компьютером с удивительной точностью улицы русской столицы. Стала отчетливо видна светящаяся точка. Объект двигался, следуя от центра Москвы к окраине. Скорость движения составляла около 60 километров в час — данные высветились в правом углу экрана.

Куда это она? В Москве сейчас полпятого утра. Куда она может ехать в столь ранний час? Одна ли она? Что-то похожее на ревность кольнуло его сердце.

Чепуха какая.

Светящаяся точка остановилась на окраине Москвы. Он попытался разглядеть нанесенное на карту название улицы. Кажется, она здесь живет. В самом деле — сигнал прекратил движение... Она — дома...

Ну что ж, спокойной ночи, дорогая...

На карте не происходило больше никаких изменений. Светящаяся точка застыла в юго-восточном углу экрана. Рядом на карте начинался парк. Наверно, в Москве сейчас поют соловьи...

Он быстро вышел из программы.

Его вторжение в сеть НАСА осталось, как всегда, никем не замеченным.

Таня вернулась домой под утро.

Солнце еще не взошло, но уже светало, и из парка напротив ее дома доносились трели первых соловьев. Стелющийся туман означал, что день будет солнечным — прекрасный день раннего московского лета. Ее дом, как и дома рядом, еще спал. Скоро люди проснутся и заспешат на работу. А ей на работу не нужно — и это на все лето.

Таня бесцельно побродила по квартире. В голове и во всем теле еще чувствовалось легкое возбуждение, вроде озноба. Так всегда бывает после ночи танцев в клубе. Что-то пьянящее — хотя выпила она только два некрепких коктейля. Зато сколько музыки, сколько мужского внимания, сколько внутренней свободы... И слава богу, подумала Таня, что ты никого не привела сюда. И ни с кем не поехала. После безумной ночи хорошо побыть наедине с соловьиными трелями за окном, с уютной квартирой, с самой собой...

Таня стянула кофточку и швырнула ее в стирку. Бродя по своей квартирке, расстегнула лифчик. Задержалась у зеркала. «Ах, как я хороша!» — подумала она и засмеялась.

Спать не хотелось, но она знала, что едва уляжется — тут же провалится в тяжелый и глубокий сон. Таня оттягивала этот момент. Ей жаль было расставаться с собой, такой красивой и возбужденной, и с этим прекрасным утром.

От нечего делать она включила автоответчик. На табло высветилось семь звонков. Первый. Бро-

сили трубку. Наверняка — Печальный Гарик. Проверяет ее и боится в этом признаться.

Второй:

— Танюшечка, это я. Свет очей моих, солнце души моей, соизволь позвонить мне, счастье мое. Припадаю к твоим коленям!

Димка. Нет уж. Ему она звонить не будет. Появляется из ниоткуда, осыпает цветами, обволакивает красивыми словами, проводит ночь, а наутро исчезает. Исчезает в никуда. И не появляется месяц, а то и два. Хватит, Димочка. Я тебе не девочка по вызову — звонить, когда тебе приспичит. Я — современная женщина. И я выбираю — сама. И выбираю — не тебя.

Таня сбросила юбку и трусики и прошла на кухню совсем голенькая. Огромное зеркало в коридоре услужливо отразило ее точеную фигурку.

Автоответчик орал на всю квартиру.

— Это я! Таня, возьми трубку! — звучал командирский голос ее матери. — Тебя что, нет дома? Как вернешься, срочно позвони мне! Слышишь — срочно!

Еще звонок. И снова — мама.

— Таня, ты что, еще не вернулась? Как вернешься, сразу же перезвони! Есть важные новости! Таня, перезвони тут же! Поняла?

Какие там у нее важные новости? На работу ее взяли, что ли?

Даже если бы Таня вернулась не в шесть утра, а в одиннадцать — все равно тут же, немедленно, перезванивать бы не стала. Знаем мы эти новости. Опять впечатляющая победа в тяжбе с очередным магазином. Или — того хуже — встретила она свою

институтскую подругу, у которой «сын — такой прекрасный мальчик: умный, интеллигентный и неженатый...». Мама страшно переживала, что Таня — в ее-то двадцать пять лет! — до сих пор не вышла замуж.

На автоответчике был еще один звонок от страховщицы, она просила не забыть, что приближается срок очередного взноса за Танину машину. И опять — мама. Вот ведь упорная женщина!..

Ничего. Потерпит, пока Таня проснется.

Таня решительно стерла все записи и отключила телефон: ведь мать будет названивать с самого утра. Потом разобрала постель и нырнула под скользкую ткань пододеяльника. Соловьи в парке распевали уже вовсю.

Таня понежилась в постели. Впереди три месяца ничегонеделания. Сперва отпуск. Потом — два месяца за свой счет. А с сентября — учеба в Беркли. Таня и хотела, и не хотела этого. Два года под пальмами Калифорнии. Два года вдали от Москвы. Зато через два года она сможет писать на визитках приставку «Dr.». Доктор Танька! Во будет приколот!

«Интересно, там, в Калифорнии, соловьи есть?» — подумала она, засыпая, и засмеялась...

* * *

Ну что за дрянная девчонка!

Три раза ведь сказала ей на автоответчик — позвони, позвони срочно, в любое время, — а ей хоть бы что! Вернулась, наверно, под утро, а те-

перь дрыхнет там у себя. А уже — кошмар! — полвторого. Ну что за безалаберная девчонка! Нет, в ее годы Юлия Николаевна такого себе не позволяла.

Юлия Николаевна задумалась: а что она, собственно, могла себе позволить в Танином-то возрасте?..

Когда ей было двадцать пять, Танюшке было уже три годика. К восьми утра она тащила ее в садик. Сама мчалась на работу.

Она была младшим научным сотрудником с окладом 120 рублей. И еще — заместителем секретаря комсомольской организации института. Огромного научного института. Только в комсомольской организации было семьдесят человек. И еще она заканчивала заочную аспирантуру. И писала диссертацию. Домой возвращалась за полночь. Слава богу, мама, Анна Николаевна, еще была жива.

Она перетащила маму в Москву из их родного Ростова.

Бабушка забирала Танюшку из садика. Кормила ее. Купала. Рассказывала на ночь сказки...

Юлия Николаевна возвращалась, когда Танечка уже спала. И хорошо, что спала, — на ребенка у мамы просто не было сил... А жили они втроем в комнате в общежитии-малосемейке. Удобства — в конце коридора. И никакой личной жизни.

«А эта? — подумала Юлия Николаевна о дочери. — В ее-то двадцать пять — своя квартира. Работа, на которой Таня гребет деньги лопатой. Пижонская иномарка... Но разве не об этом ты мечтала, — спросила себя Юлия Николаевна, —

когда пробивалась в Москву? Когда цеплялась за столицу руками и зубами? Разве не ты мечтала, чтобы дети твои были избавлены от борьбы за выживание? От «покорения столицы»?.. Об этом мечтала, об этом».

А все равно было обидно. И еще она немного завидовала дочери. Хотя, надо признать, всех своих успехов: квартиры, машины, денежной работы — Таня, как в свое время Юлия Николаевна, добилась сама. Никто ей не помогал. Да и чем Юлия Николаевна могла помочь! Разве что привить дочери свои лучшие качества: целеустремленность, силу духа, волю к победе... Но вот так бессовестно относиться к матери она ее не учила. Ей нужно посоветоваться с Таней, поделиться с ней — а та бессовестно дрыхнет. А ведь уже полвторого.

* * *

Юлия Николаевна уже два года как была уволена по сокращению штатов из своего НИИ. Весь ее отдел, работавший на «оборонку», оказался никому не нужен. Не помогли ни кандидатская степень, ни месткомовский опыт.

Сначала Юлия Николаевна решила: обходятся без меня — ну и пусть. Я всю жизнь ишачила, теперь могу расслабиться. Тем более что на бирже труда ей платили три четверти ее последнего (довольно-таки приличного) заработка. Остались и кое-какие накопления от продажи дачи — хибары в очень дальнем Подмосковье.

И Юлия, словно пенсионерка, решила насладиться блаженным покоем. Она радовалась тому,

что могла спокойно посмотреть «Жестокий романс», который почему-то показывали с часа до трех ночи, и потом проспать до полудня. Радовалась тому, что не надо вздрагивать от воя будильника в семь утра, собираться в спешке на работу, а можно спокойно спать сколько хочется.

Она вдоль и поперек изучила Третьяковскую галерею, которую как раз открыли после долгой реставрации. Изучила обстоятельно, выделяя на каждого крупного художника по целому дню. Ходила в театры и на симфонические концерты.

Приглашала в гости подружек и баловала их тщательно продуманным меню и любовно приготовленными яствами...

Но через несколько месяцев Юлия Николаевна отчаянно заскучала.

Оказалось, что телевизор, если его смотреть сколько хочется, быстро надоедает. Театры, концерты и выставки — тоже. Да и подружки — чего там нового они расскажут?

Мужа — как, впрочем, и любовника — у Юлии Николаевны не было. И не хотелось заводить... Таня выросла. И считала себя *абсолютно взрослой*. Она решительно отвергла мамино предложение жить вместе, а вторую квартиру сдавать: «Это, мамми, у тебя нет личной жизни, а я нуждаюсь в отдельной жилплощади». Жестоко сказано. Таня могла быть жестокой к матери, сама не замечая того.

Не обрадовалась Татьяна, даже когда Юлия Николаевна предложила приходить к ней и готовить ужины, — сказала, что у нее «иные кулинарные пристрастия». Таня явно решила «держаться

дистанцию». И сделать с этим мама ничего не могла.

Появилось жутковатое чувство собственной невостребованности. Своей никому ненужности.

Ненужности ни дочери. Ни мужчинам. Ни Родине.

Юлия Николаевна просыпалась в своей квартире. Читала. Смотрела телевизор. Звонила подругам — а подруг было у нее множество. Время проходило, словно в поезде, когда надобно просто дождаться конечной остановки. Но Юлия Николаевна понимала, *какая* в ее случае будет конечная станция...

А ведь ей всего 47 лет. Она стройна. Она хороша собой. Подумать только: всего десять лет назад, после развода, ей казалось, что вся жизнь еще впереди...

На бирже труда стали платить все меньше. Скоро эти выплаты и вовсе должны были закончиться. Кроме того, народу там заметно прибавилось, и для того, чтобы попасть на прием к «своему» инспектору, Юлии Николаевне приходилось раз в неделю вставать в четыре утра.

«Биржевой» день был для нее просто адом. А работу там предлагали несерьезную. Инженер с двадцатипятилетним стажем, кандидат наук, оказался нынче никому не нужен. Предлагали работу курьера за четыреста рублей в месяц. Машинистки — за восемьсот. Санитарки — за двести... А пуще всего требовались водители автобусов, каменщики, маляры... Все это выглядело как издевательство. Пока еще оставались, правда, сбережения от дачи. Они плюс скромное пособие

плюс режим жесткой экономии помогали держаться. Да и Таня порой подбрасывала денюжат...

Но все равно, — сидя в надраенной до блеска квартире, Юлия Николаевна кропотливо просматривала все газеты, где предлагалась хоть какая-то работа. Она несколько раз сходила на презентации, которые устраивали вербовщики «гербалайфа» и косметики, и чуть было не ввязалась в это дело — слава богу, дочка отговорила. Закончила краткосрочные курсы бухгалтеров — и с ужасом обнаружила, что все равно никогда не сможет сама составить баланс. Годы уже не те, чтобы вот так, запросто, в несколько месяцев освоить новую профессию.

Почувствовать свою востребованность Юлии Николаевне помог случай.

Теперь она, разумеется, покупала продукты на оптовом рынке. У нее появилось время делать покупки более обстоятельно. Подозрительные по качеству товары она относила в СЭС. Если чувствовала недовес — на контрольные весы. И практически всегда ее подозрения сбывались.

Юлия Николаевна принялась бороться с нечестными на руку продавцами. Как опытный управленец, она знала, по каким инстанциям надо ходить и что нужно делать, чтобы обычной *кляузе* был дан законный ход. Она писала, порой получала в ответ отписки, снова писала, теперь уже в вышестоящую инстанцию. И добивалась своего. Брала упорством, грамотными текстами, тем, что ее письма выглядели солидно — набранные на компьютере, с описью прилагаемых вложений (копия чека, копия заключения СЭС...).

Несколько палаток на рынке закрыли по результатам проверок писем Юлии Николаевны. Заодно построили стоянку для грузовиков — она несколько раз обращалась в мэрию в связи с тем, что фуры создают пробки на их узкой улице.

Дочь восхищалась мамиными талантами. Кроме того, она радовалась тому, что Юлия Николаевна, слава тебе, господи, при деле и не лезет в ее, Танину, личную жизнь. К тому же мамина бурная деятельность приносила ощутимую пользу и ей.

Более всего Таня была рада так называемому «меховому процессу».

В октябре она купила себе песцовую шубу. В ноябре начала ее носить. Оказалось, что мех песка хорош всем — кроме того, что оставляет на одежде огромное количество ворса. Не только синтетические колготки, но даже хлопчатобумажные джинсы мгновенно покрывались густым слоем белой шерсти.

Таня сунулась в магазин сама, пытаясь шубу вернуть или поменять, но там ее подняли на смех: «Да вы что, девушка?! Надо было смотреть, что берете!»

Тогда за дело взялась Юлия Николаевна. Пообщавшись с несметным количеством чиновничьих инстанций — от комитета по защите прав потребителей до лицензионной палаты, — она добилась-таки своего. Ей удалось доказать, что шуба некачественная, и директор магазина, которого замучили проверками, лично звонил ей домой, умоляя прийти, сдать товар и получить назад все — все до копейки! — деньги.

На вырученную — в буквальном смысле вырученную! — сумму Таня купила себе шубу из кусочков норки в другом магазине. Еще и осталось немного. «Добавку» дочка с благодарностью вручила Юлии Николаевне. И, вдохновленная впечатляющей победой, предложила маме организовать свой маленький бизнес, а именно: помогать тем потребителям, которые не могут сами справиться с наглыми торговцами, и получать в случае победы процент от вырученных денег. (Общества потребителей за одну консультацию уже брали непомерно много, а Юлия Николаевна готова была работать бесплатно до победы — и только потом делиться.)

Был составлен текст в газету бесплатных объявлений. Закуплены конверты. Ежедневно Юлия Николаевна покупала газету и посылала туда свою рекламу на вырезанном бланке.

Через месяц после того, как «защитница потребителей» заявила о себе, у нее появился первый клиент. Она добилась замены сломавшейся микроволновой печи и получила за труды 300 рублей.

Конечно, денег новая работа приносила не слишком много, но Юлия Николаевна была и этому рада. А пуще всего радовалась тому, что она снова при деле. Снова кому-то нужна. И клиентам, и дочери.

Та уже жаловалась, что ее норковая шуба тоже оказалась некачественной — разлезается по кускам... Дочь очень надеялась на то, что к весне мамми и норку сбавит, а она, Таня, приобретет репутацию роскошной женщины, которая меняет меха каждый сезон.

Переписка у Юлии Николаевны была, особенно по нынешним телефонизированным временам, весьма обширной. Она писала (и регулярно получала обратную корреспонденцию): двоюродной сестре Натусе в Севастополь; школьной подруге Галке в Черновцы; институтской подружке Толстой Миле, которую судьба забросила в Магадан; и еще двум подругам — Вере в литовский город Игналина и Нине в нашенький Нижний Новгород. Кроме того, по своим делам «боев за справедливость» она имела эпистолярные сношения с аппаратом мэра, правительством Москвы, префектурами, а также разнообразными торговыми и промышленными предприятиями. Так что, помимо бесплатных газет «Экстра М» и «Центр Плюс» и бесчисленных рекламных листовок, почта почти всякий день приносила ей то официальное, а то приватное письмо. Вот и нынче она достала из почтового ящика в мерзлом подъезде длинненький конверт. Конверт был с нездешней маркой и обратным адресом, напечатанным латинскими буквами. Сердце екнуло: «Не ужели?..»

Уже полгода Юлия Николаевна занималась «генеалогическим проектом», как со смехом называла эту затею Таня. (Иной раз Таня намеренно путала и называла проект «гинекологическим».)

Раз в неделю Юлия Николаевна посылала в парижскую газету (аналог нашей «Из рук в руки») объяву, в которой она просила откликнуться своих родственников, — благо специально за бланки международных объявлений платить было не

надо: все равно ради отечественных квитков газета покупалась каждое утро.

Юлия Николаевна хотела восстановить историю своего рода, уходившего корнями в легендарное дореволюционное время.

Ее прадед был — сохранились фотографии, а кое-что рассказывала Юлии Николаевне ее мама — князем и одновременно миллионером из Харькова. У господина Савичева было то ли семь, то ли даже восемь детей.

Про судьбу одного из них, Николая Савичева, мама знала — он, в конце концов, был ее дедом. Что случилось с самим князем-миллионщиком и остальными его детьми, ничего не было известно. То ли сгорели они дотла в пламени революции и Гражданской войны, то ли тихо перемололи их (как и деда Николая) в лагерную пыль в тридцатые; а может, пали они на фронтах Великой Отечественной... О судьбе их не осталось ничего: ни изустных преданий, ни писем, ни документов.

А вдруг, задумывалась Юлия, они эмигрировали? Вдруг живут где-нибудь во Франции или в Аргентине ее троюродные братья и сестры? Ее двоюродные тетушки?

— Ну, тут уж ты, мамми, загнула, — смеялась дочка. — Какие там родственники? Померли все, давно померли! А если не померли — по-русски читать разучились. Тоже, размечталась — тетушка из Парижу! Ищи иголку в стоге сена!.. Деньги только зря тратишь.

Мама сердито отвечала:

— Свои трачу!

Объявление посылалось за объявлением с завидным упорством, но... Ответа все не было и не было. Уверенность Юлии Николаевны в успехе дела становилась все более призрачной... И вот, наконец, иностранный конверт!

Она не разорвала его сразу же, немедленно, в подъезде (как поступила бы, к примеру, Таня). Нет, Юлия Николаевна поднялась на лифте в квартиру, взяла очки, ножичек для разрезания бумаг, погрузилась в кресло — и только после этого, аккуратно вскрыв письмо, принялась читать.

Послание было отпечатано на компьютере на очень белой, очень плотной бумаге. Написано оно было по-русски.

Содержание его было поразительно.

*48-бис, рю-де-ла-Либерте,
Анган-ле-Бен, Франция
7 января 1999 года*

Господа, позвольте продемонстрировать Вам свое самое глубокое почтение. С чувством большого волнения я прочитала объявление из России, напечатанное в парижской газете. Мое волнение усугубилось тем, что, вполне возможно, я являюсь искомым для Вас субъектом.

Меня зовут Вера Викторовна Фрайбург, урожденная Савичева. Я рождена в 1915 году в городе Харькове, Россия. Мой папа, le comte Виктор Ильич Савичев, возможно, является тем самым 2-ном Савичевым, коего Вы разыскиваете.

Мой папа, князь Виктор Ильич Савичев, безвременно и печально погиб в 1918 году в советской Рос-

сии, и обстоятельства его смерти не являются мне известными.

Моя татап, la compte Савичева, смогла вывезти меня из России на пароходе, вместе с героическими офицерами Белой армии. Морем мы попали в Константинополь и в 1921 году перебрались с нею в Париж.

Мама моя скончалась в Париже в 1942 году, во время немецкой оккупации, от грудной жабы. Она похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Муж мой, барон Эрнст Фрайбург, оставил меня навеки — да упокоит господь его бессмертную душу! — восемь лет тому назад. К несчастью, мы не имели детей. Нет у меня и иных родственников. Поэтому мне было бы весьма важно, приятно и утешительно больше узнать о моих возможных родственниках из России, где мне, волею жестокого XX века, так и не удалось более побывать.

Я благодарна Вам за Ваши поиски. Не сообразовали бы Вы прислать мне подробный рассказ о Вашей семье, а также, по возможности, свидетельства Вашей связи с семьей Савичевых?

Не знаю, являетесь ли Вы верующими или атеистами, но полагаю, что имею право поздравить Вас с Рождеством Христовым и пожелать Вам света, здоровья и любви.

Буду с нетерпением ждать ответа.

Примите уверения в моем искреннем к Вам почтении:

ФРАЙБУРГ-САВИЧЕВА

Вечером того же январского дня письмо было продемонстрировано Тане.

— Ну ты, мамми, гигант! — с нескрываемым восхищением произнесла та, прочитав депешу. — Княгиня из Парижу! Бабуленька!.. Да я всю жизнь об этом мечтала!.. Вот не ожидала, что тебе хоть кто-то ответит. А тут — княгиня!

— Я всегда добиваюсь своего, — с важностью произнесла Юлия Николаевна.

— Да тут ведь не двадцать рублей с Выхинского рынка! — воскликнула Таня. — И даже не шубка! Тут ведь каким наследством пахнет! — И Таня еще раз зачитала то место из письма, где княжна Фрайбург-Савичева говорила о своем парижском одиночестве, об отсутствии детей и иных родственников.

— Да, я тоже это поняла, — с гордостью сказала Юлия Николаевна.

Немедленно был составлен ответ в Париж.

Письмо получилось столь длинным и объемистым, что на почте пришлось за него доплачивать (расходы взяла на себя Таня).

В нем Юлия Николаевна подробно описывала историю своего рода. Рассказывала о своем деде Николае. Он родился в 1905-м и был расстрелян в Ленинграде в 1937-м. Именно он являлся, по всей видимости, старшим братом французской княжны.

Юлия рассказывала также о его дочери — матери своей Анне Николаевне, которая, по всему судя, доводилась парижской княжне племянницей. Наконец, она сообщала хронику своей жизни,

а затем в самых умильных тонах повествовала о дочери своей Танечке.

Письмо было отредактировано Таней, и из него решительно были вычеркнуты те моменты, которые говорили о малом достатке и безработице самой Юлии Николаевны. («Они там на Западе несчастеньких не любят», — безапелляционно заявила по этому поводу дочь.)

К посланию, отправленному в Париж, прилагались: фотографии самой Юлии Николаевны в возрасте 17, 33 и 42 лет; два фото Танечки, одно из них — на фоне ее новенькой машины «Пежо-106» («Пусть княжна не думает, что мы тут лаптем щи хлебаем!»), а также ксерокопии фотографий деда Николая, предполагаемого брата княжны. Приложена была и копия одного-единственного имевшегося общего, семейного фото. Оно было изготовлено в харьковской фотографии «Русская Светопись» (фотограф М. Лещинский, в собственном доме на Сергиевской площади, около Лопанского моста) и датировано 1916 годом.

На фотографии был запечатлен прадед Виктор Ильич Савичев (в исключительной манишке с бриллиантовой заколкой в галстук и дорогом — это было видно даже сквозь годы — костюме). Он помещался в центре многочисленного семейства. Его окружали жена и семеро детей разного возраста. Несколько на отшибе стоял старший сын, подросток Николай (дед мамми), в гимназической форме и с тщательно прилизанными волосами. А вот на коленях у князя Виктора Ильича Савичева сидела годовалая девочка в чепчике.

Именно она, по всей видимости, превратилась со временем в княжну Савичеву-Фрайбург, живущую ныне в пригороде Парижа Анган-ле-Бен.

Спустя три недели от княжны пришел ответ. Отправлен он был DHL'ом, посему добрался от пригорода Парижа до спального московского района за полтора дня. Ответ представлял собой довольно объемистую посылку, в которой, помимо письма, имелись следующие предметы. Во-первых, был там зачем-то пакетик мюсли (точно такие продавались в супермаркете рядом с Таниным домом); во-вторых, ксерокопия фотографии князя Савичева — на ней он был запечатлен в гордом и надменном одиночестве. В-третьих, коробка духов «Шанель № 5», предназначавшаяся в подарок Юлии Николаевне; и, в-четвертых, золотой кулон с двумя вензелями В и С — семейная реликвия, принадлежавшая некогда князю Савичеву. Кулон предназначался, как единственная память о князе, «наследнице (а именно так писала княжна) Татьяне».

Кроме того, в письме содержалось подробнейшее жизнеописание самой Савичевой-Фрайбург. Письмо уже было не отстраненным, а горячим, искренним, порой даже сбивчивым.

Чувствовалось, что княжна Фрайбург-Савичева отбросила свою настороженность, сквозившую сквозь строки первого «разведывательного» послания. Она, похоже, искренне желала поделиться своей — уже, пожалуй, ставшей никому не нужной — жизнью со вновь обретенными русскими родственниками. Даже язык ее письма стал словно бы более русским.

После того как мама, княгиня Савичева («ваша, Юлия Николаевна, прабабушка», как писала престарелая княжна), перебралась вместе с нею, пятилетней девочкой, в 1921 году в Париж, для нее, равно как и для маленькой Веры, начались тяжелые времена. Сбережений не было. Помещались они в самых захудалых мебелированных на улице Тюрбиго. Княгиня, мать Веры, пошла работать шофером в парижском такси — благо еще в благополучном Харькове она лихо управлялась с «Пежо», который специально для нее купил тогда князь Савичев.

Когда Вера подросла, она пошла было, как сообщала своим русским адресатам, «работать официанткой в русскую столовую в одном из темных переулков неподалеку от улицы Пасси». Однако довольно скоро жизнь ее круто переменялась.

Она была замечена великой Коко Шанель и стала первой русской княжной, занявшей место на подиуме. В модельном деле Вера Савичева пребывала (как можно было понять из письма княжны) не на последних ролях.

В 1937 году к ней посватался барон Эрнст Фрайбург, и княжна Вера ответила на его предложение. У барона имелось достаточное состояние. Вплоть до начала войны семья ни в чем не нуждалась и прожила самый счастливый период своей жизни.

Когда нацистские войска заняли Париж, княжна Вера Савичева в отличие от своей великой патронессы не встала на путь коллаборационизма,

а, напротив, вместе с мужем бароном Фрайбургом играла активную роль в Сопротивлении.

В 1942 году умерла мама, княгиня Савичева. Не последнюю роль в ее роковом сердечном заболевании сыграли безотрадные вести с фронтов в России. Княжна Вера и барон продолжали помогать Сопротивлению. Оба счастливо избегли ловушек гестапо и радостно встречали летом 1944 года в Париже американские войска и отряды генерала де Голля.

После победы над фашизмом княжна Вера продолжила свою работу манекенщицы, но уже не у Шанель, а у начинающего тогда самостоятельную карьеру Кристиана Диора. Она была у него моделью на самом первом показе в 1947 году, когда маэстро впервые продемонстрировал миру «новый взгляд», и продолжала оставаться на подиуме вплоть до 1953-го. После этого она занялась в «Доме Диора» кастингом.

Барон Фрайбург после войны вернулся к своему делу — биржевым спекуляциям.

«После смерти Диора и прихода в «Дом Диора» Ива Сен-Лорана, — писала далее княжна Савичева-Фрайбург, — я оставила службу. Моих и мужа скромных накоплений хватило для того, чтобы жить ежели не в достатке, то безбедно в своем доме в пригороде Парижа Анган-ле-Бен. Мы много путешествовали, изъездили весь свет, побывали даже в Канаде, Бразилии и Новой Зеландии — вот только в России не удалось. Мой муж уверял меня — даже после того, как умер Сталин, — что, едва мы сойдем в Москве с трапа самолета, сразу же будем схвачены и отправлены

на воркутинские рудники... Теперь Эрнст умер. Я слаба, редко даже выхожу из дому, поэтому мечту о моей далекой Родине, которую я знаю лишь по двум-трем темным детским воспоминаниям и иллюстрированным парижским журналам, придется оставить навеки».

Мамми вздыхала над письмом и даже всплакнула, когда читала о жизни этой необыкновенной женщины, которой господь бог за все ее испытания и лишения, за смерть ее близких дал — в отличие от миллионов ее соотечественниц и ровесников, живущих в России, — все же утешение: в виде безбедной старости, сытой жизни и экзотических путешествий.

Таня, раскрыв посылочку из Парижа, прыгала на месте, радовалась золотому кулону, а главное, возможной перспективе получить в виде наследства особнячок в тихом пригороде французской столицы. О, это было бы колоссально — свой домик под Парижем! А может, к нему приложится еще и кругленькая сумма во франках?

Немедленно был снаряжен ответ княжне. Его также отправили экспресс-почтой. (За пересылку опять — но теперь уже совершенно безропотно — заплатила Татьяна.) В посылочку был вложен кирпич бородинского хлеба, баночка стерляжьей икры, изящная гжельская композиция и миниатюрная копия храма Покрова-на-Нерли, изготовленная из чистого серебра. Кроме того, там было несколько фотографий Татьяны, а также впервые написанное ею собственноручно письмо, где она благодарила за фамильный кулон.

Письмо было сдержанное, достойное, но в то

же время как бы полное потаенной любви к престарелой родственнице.

Посылочку в Париж отправили в конце февраля, и после этого от «бабуленьки» (как окрестила княжну Татьяна) довольно долго не было ни слуху ни духу. («Как бы она там коньки не откинула без завещания», — озабоченно вздыхала порой Татьяна. Ее нарочитый цинизм вызывал бурное и искреннее негодование мамми.)

И вот наконец от княжны поступила новая депеша — депеша удивительная, невероятная. Ради нее Таня вынуждена была с утра пораньше вскакивать в «пежик» и срочно мчаться к мамми.

*48-бис, рю-де-ла-Либерте, Анган-ле-Бен,
Париж, Французская Республика*

Милые мои Юлия Николаевна и Танечка!

Прошу у вас извинения за то, что столь долго не отвечала на ваше письмо — тому были веские причины, о которых я расскажу позднее. Я душевно благодарна вам за те подарки, коими вы меня одарили. Право, мне неловко принимать их — особенно учитывая нелегкую ситуацию на моей несчастной и любимой Родине. Ваши дары еще раз доказали мне всю щедрость настоящей русской души — и всю вашу личную открытость и доверие ко мне. Спасибо, спасибо вам огромное за них, а также за те фотографии, что вы переслали мне, — я все время рассматриваю ваши лица и нахожу между мною и вами немало общего — разумеется, когда я была много, много моложе. Я очень благодарна вам также за ваши милые, теплые, изумительные письма. Бог в

награду на склоне лет послал мне последний подарок — знакомство и дружбу с вами. Она, как солнце, озарила последние мои дни.

По поводу «последних дней» — это, увы, не метафора... Дни мои в самом деле сочтены. Об этом ясно и недвусмысленно дали мне понять врачи нашего, французского «ракового корпуса», где я провела последние полтора месяца. Сама же я чувствую, что до осени вряд ли доживу. Что ж, быть может, это к лучшему — прощаться с жизнью летом, когда сверкает листва и все вокруг напоено ароматами жизни и любви!

Мне очень жаль, что наше знакомство обрывается таким быстрым и нелепым образом. Видимо, господу не было угодно не только то, чтобы я посетила свою далекую родину, но и то, чтобы я хоть когда-нибудь встретила своих родственников из России. Увы, увы...

Но — прочь меланхолию! Перейду к делу. Разумеется, все свое состояние я завещаю вам. Однако — и это, возможно, покажется вам самым грустным, хотя мне не хотелось бы, чтобы вас печалило только это, — состояние мое, что неопровержимо показал отчет адвокатов, который я получила на днях, расстроено до последней возможной степени. На счету в банке не более десяти тысяч франков; дом заложен. После кончины барона я, отученная им от этого, вовсе не умела вести свои дела. Оказывается, моя жизнь в последние годы совершенно расстроила мое состояние. Я не умела отказывать себе в маленьких радостях: игре в казино, поездках (пока была в силах) на Лазурный берег, нарядах от

моих любимых модельеров. В этом я виновата перед вами и перед господом.

Но есть еще шанс как-то помочь вам в ваших, я думаю, стесненных материальных обстоятельствах (простите меня за этот неприличный, возможно, домысел) и отблагодарить вас обеих за то бескорыстное добро, с которым вы отнеслись ко мне, далекой престарелой родственнице.

Дело в том, что — я знаю это наверняка — мать моя во время бегства из советской России, в суматохе последних дней, когда прорыв большевистских полчищ смешал все наши планы и надо было спастись как можно быстрее, оставила на окраине приморского города Южнороссийска настоящий клад. Чемодан с сокровищами был спрятан в столь укромном и неудобном месте, что она, тем более имея на руках меня, четырехлетнюю, не сумела достать его перед отплытием из Южнороссийска последнего парохода Добровольческой армии. Клад так и остался на территории России, куда мы, по известным причинам, не имели доступа. Конечно, за восемьдесят без малого лет, а также после двух войн, прокатившихся на этой территории, и «советского социалистического строительства» осталось немного шансов, что сокровища так и не были кем-то по воле случая найдены. Однако место, где помещался чемодан, столь укромно, что эти шансы — есть.

Мама моя, перед своею кончиной в 1942 году, доверила мне тайну клада, вместе с подробной картой его местонахождения.

В чемодане были наши фамильные драгоценности (в том числе бриллиантовые подвески и яйцо ра-

боты Фаберже), золотые монеты, но главное — отцовская коллекция молодых (в то время) художников. Художники эти, шумно отвергавшиеся чуть ли не всеми, за исключением, пожалуй, одного моего отца, князя Савичева (известного своими эксцентрическими вкусами), со временем стали всемирно известными, а полотна их, особенно сейчас, — чрезвычайно дороги. Помню, мама называла мне в числе тех произведений, что таятся в сокровенном чемодане, работы таких авторов, как Кандинский, Ларионов, Шагал, Малевич... Думаю, что имена эти вам хорошо известны и вы согласитесь с тем, что стоимость этих полотен нынче весьма и весьма высока.

Я была бы рада и счастлива, милые Юлия Николаевна и Танечка, когда бы вы нашли этот клад. Далее поступайте с ним на свое собственное усмотрение. Мне, как вы понимаете, ничего уже не нужно. Если богатства нашей фамилии сохранились и они помогут обеспечить вам богатую жизнь — ничего лучшего я и желать бы не могла.

При сем прилагаю копию той карты, которую завещала мне моя мама. (Ее оригинал хранится в моем сейфе в банке.) Карта, как вы можете убедиться, весьма тщательна и подробна. Место расположения клада, я повторюсь, столь укромно, что это дает надежду полагать: за прошедшие десятилетия чемодан с золотом и картинами никто не нашел. Как бы я хотела, чтобы это так и было! Чтобы сокровища достались вам, мои дорогие далекие родственники! Я была бы так счастлива обеспечить вам достойную жизнь.

К письму прилагались три тщательно нарисованные от руки карты — одна более подробная, другая менее, третья — совершенно отчетливая. Был проставлен примерный масштаб, а в искомом месте (совсем как в романах про пиратов) стоял аккуратный крестик.

* * *

Юлия Николаевна не спала всю ночь.

И к двум часам, когда Таня, наконец, объявилась, ей было торжественно прочитано письмо.

— Вот это класс! — восторженно закричала Таня. — Клад, клад! Свой собственный клад! Когда там ближайший самолет в Южнороссийск?

— Ты с ума сошла! Да у твоей бабуленьки просто крыша поехала!..

— Она же *сейчас* поехала, а клад сто лет назад зарыли!

— Да даже если были сокровища, их давным-давно бы вырыли! Восемьдесят лет прошло!

— А если не вырыли? Ты будешь тут картошку на сале жарить — а у тебя там миллионы будут гнить?!

— Какие миллионы?! Бред все это! Старческий маразм!.. Ну, а, допустим — я говорю «допустим», хотя шансов на это нет, — отроешь ты эти картины? И что? Сдавать государству? Да оно обманет тебя почище любой бабуленьки!

— Государству? Ха! Ну уж нет!.. Много тебе это государство хорошего сделало?.. Клад — наш! Сама его продам, на аукционе «Сотбис». Или «Кристи».

— Так ведь посадят!

— Не волнуйся. Сажают — дурачков. Меня — не посадят.

Так они препирались на повышенных тонах минут сорок, а потом разъехались — крайне недовольные друг другом. И остались каждая при своем мнении.

* * *

Таня часто перечила матери. Впрочем, «часто» — слишком слабо сказано. Татьяна выполняла советы Юлии Николаевны «с точностью до наоборот» в девяти случаях из десяти. А еще вернее — в 99 случаях из ста.

Оттого, во-первых, что она считала мамин подход к жизни слишком простым, излишне прямолинейным. Мамми, по мнению Тани, не учитывала всего разнообразия красок жизни, где, как известно, есть не только «белое или черное», но царят полутона и господствуют оттенки. Отношение Юлии Николаевны к жизненным проблемам, считала Таня, годилось для советского месткома. Оно было подходяще для силовых действий, когда надо было настоять, обломать, призвать, наградить или возвысить. Повелевать мамми была известная мастерица. Но для нынешней извилистой жизни «месткомовский» рубленый стиль отнюдь не годился. В том, что таланты Юлии Николаевны так и не были в полной мере восстановлены нагрянувшим капитализмом, Таня видела лучшее доказательство того, что мать «устарела». (Ей она, конечно, ничего по этому поводу не говорила.)

Таня по обыкновению поступала наперекор матери еще и потому, что в ней был до сих пор силен дух детского противоречия. Сколько себя помнила, она всегда и во всем перечила матери. Когда была маленькой, ей приходилось — с криками, слезами, скандалами — повиноваться. Но как только у Тани — по мере взросления — появлялась возможность не подчиниться матери, она всякий раз поступала ей наперекор.

Поэтому она, выйдя из квартиры матери, первым делом, конечно же, отправилась к Валере.

Она не стала звонить ему. Просто, попрощавшись с Юлией Николаевной и прихватив с собой письмо и карты княжны, уселась в свой красный «пежик» и поехала в сторону Кольцевой.

Валера жил в районе ВДНХ, и Таня правильно рассчитала, что от Рязанского проспекта к нему теперь, после окончания реконструкции МКАД, легче всего добраться через «Большое кольцо имени Лужкова». Путь хоть и кружной, да по московским пробкам самый быстрый. К тому же Таня любила эту дорогу. Она, несмотря на молодость, побывала уже в Чехии, Германии, Италии. Довелось ей помотаться на арендованных машинах по тамошним дорогам. Там автострады были ничем не лучше, чем нашеньская Кольцевая.

Несясь по МКАД на своем «Пежо», она чувствовала себя белым человеком. Точнее — гражданкой мира. Цивилизованного мира, в который не спеша, словно броненосец, вползает Россия. И она неосознанно радовалась этому и гордилась своей страной.

Правда, это чувство быстро пропадало, когда она съезжала с Кольца и влетала в ухаб.

Через пять минут после прощания с матерью Татьяна подъезжала к Кольцевой. Пристегнула перед постом ГАИ ремень, сделала ручкой гаишнику и вырулила на Кольцо. Быстро набрала скорость. Ездила она стремительно, но аккуратно — совсем не по-женски: практически никогда не создавала аварийных ситуаций и не терялась. Таня разогналась, быстро переключая передачи и перестраиваясь влево. Уже метров через пятьсот она перешла на пятую передачу и заняла место в крайнем ряду. «Пежик», довольно урча, стремительно разогнался до 130 километров. Теперь она будет сбрасывать скорость только перед гаишными телекамерами, постами ГАИ или каким-нибудь чайником на раздолбанной «четверке», который возомнит, что ему тоже позволено ездить в «иномарочном» левом ряду. Минут за сорок она доедет до Валеры.

Валера приходился ей отчимом.

Своего отца Таня не знала. Она не видела его фотографий. Она не знала, как родители познакомились. Не знала, отчего они — еще до ее рождения — расстались. Она не ведала, кем он был. И даже — как его звали. Мать до сих пор с твердокаменным упорством избегала любых разговоров на эту тему. «Я вычеркнула его из своей жизни!» — однажды она в своем обычном патетическом стиле так ответила на очередные приставания Тани. И это было похоже на правду.

Валера был вторым мужем Юлии Николаевны. Поженились они, когда Танечке было годи-

ка четыре, так что она вполне могла и называть, и считать его папой. Но с самых малых лет Таня отчего-то знала, что Валера — вроде папы, да не папа. И называла Юлию Николаевну мамой, а его — Валерой. Ни мать, ни отчим не возражали.

Они развелись уже лет десять назад, но Танина детская привязанность к этому толстому спокойному человеку осталась у нее на всю жизнь. Она называла его по-прежнему, как в детстве, Валерой, а еще — в глаза и за глаза — «толстятчком», «пузаном», «пантагрюэлем», «нировульфом» и даже «жиртрестом». И — удивительное дело! — этот серьезный, строгий и умный человек позволял падчерице любые выходки. Он прямо-таки млел, когда она приезжала к нему, привозила пирожные, целовала в жирную щеку, обильно пахнущую одеколоном, расспрашивала его о жизни или просила совета. Едва ли не каждый месяц Валера подкидывал ей денюжку, как он сам называл этот процесс. В своей сумочке Таня находила вдруг после визитов к нему конверты то со ста, то с двумястами долларами. Как он проделывал этот фокус, она до сих пор не понимала. Проследить за Валерой было так же трудно, как за Амаяком Акопяном. Когда же Таня начала хорошо зарабатывать и попробовала однажды проиграть этот фокус «наоборот», случайно позабыв на книжной полке Валеры конверт со ста баксами, он устроил ей грандиозную выволочку и деньги чуть не силой всучил назад.

Валера давно уж был на пенсии. Во-первых, был он старше Юлии Николаевны на пятнадцать лет, а во-вторых — и об этом Таня узнала совсем

недавно, — работал он (или в данном случае правильной сказать «служил»?) в КГБ. Дослужился до полковника. На пенсии пребывал девятый год.

Чем занимался Валера во время службы в столь могучей и даже зловещей организации — он никогда не рассказывал. В сознании Тани как-то не сочеталось круглое доброе лицо Валеры — и спецслужба. Но по каким-то обрывкам фраз (скопленных едва ли не за десятилетие ее поездок к нему) Татьяна сделала вывод, что отчим в последнее время не имел отношения к оперативной работе, а был экспертом, аналитиком или чем-то вроде того.

Пенсионная жизнь Валеру, казалось, вовсе не тяготила. За эти годы он еще больше обрюзг. Хотя вот уже лет десять отчим приговаривал, что весит, как Поддубный, шесть пудов, Таня подозревала, что сейчас в нем пудов семь, а то и семь с половиной. Жил он в однокомнатной квартирке в старом доме неподалеку от «Рабочего с колхозницей». Маленькая комнатка, крохотная кухня. Вот все, чем наградила самая могущественная спецслужба мира полковника Ходасевича. Машины, равно как и дачи, Валера не снискал. Зато были горы книг, огромный телевизор и суперсовременный HI-FI видеомагнитофон.

Таня так уверенно поехала к нему, предварительно даже не позвонив, потому что знала: толстяк все равно окажется дома. Выползал тот на улицу всего раз в неделю, обычно по четвергам: закупал на оптовом рынке продукты и сигареты, заходил в аптеку и прачечную. Заглядывал в книжный магазин и видеоларек. Сегодня была пятни-

ца, поэтому Валера, как и все остальные дни недели, почти наверняка сидел дома.

Чем он занимался? Готовил пищу (его щи из кислой капусты, тефтели, борщ или бигос — капуста с сосисками — были куда вкуснее, чем у матери). В остальное время отставной полковник Ходасевич читал, смотрел телевизор и видео. Его единственная комната ломилась от книг и видеокассет. Полки все были заняты. Книги толпились на полу. Закрытый шкаф был весь забит видеокассетами. Их насчитывалось, наверное, тысячи две. Количество книг учету не поддавалось. Порой Валера отказывал в просьбе Тани дать ей ту или иную кассету или же книгу, но не оттого, что их не было в коллекции или он жмотничал, а потому, что их просто невозможно было найти. Вкус у Валеры был своеобразный. Смотреть он предпочитал боевики с Синтией Ротрок, Дольфом Лундгреном или Стивеном Сигалом. Не отказывался, впрочем, и от Джеймса Бонда, и от редких умных американских или английских детективов (вроде «Окончательного анализа»). Читал он тоже (при том, что прекрасно разбирался во всей мировой литературе от Плутарха до Бродского) в основном детективы.

Пару раз Таня заставляла его у экрана видео с тетрадкой в руке. Она подозревала, что он совмещает хобби с работой и составляет для своего ведомства что-то вроде обзоров шпионских уловок и бандитских киноприемчиков, которые придумывали неутомимые сценаристы. (Известно, что самые эффектные — и порой эффективные! — методы ограблений или шпионажа изобретают

именно мастера детективов.) Но на прямые вопросы по поводу записей в таинственную тетрадь толстяк только отшучивался.

Погруженная в свои мысли, аккуратно ведя машину и так ни разу не переключившись с пятой передачи на низшую, Таня за пятнадцать минут долетела от Рязанки до Ярославского шоссе. Прокрутившись по грандиозной многоуровневой развязке, она выехала на Ярославку и порулила в сторону Центра. Здесь машин было больше. Приходилось долго стоять перед светофорами. Выхлопные газы фур, везущих в столицу черешню, клубнику и раннюю картошку, проникали сквозь открытые окна машины. Таня держалась справа, проныривая на своем юрком «пежике» в те щели, что оставляли грузовики у тротуара. Вырывалась вперед у светофоров. На старте она обгоняла даже «СААБы» и «Мерседесы» — не говоря уже об изделиях отечественного автопрома.

Очень быстро она доехала по Ярославке до места своего назначения. Свернула направо на тихую улицу и через пару минут остановила «Пежо» в тихом дворе Валериного дома.

Подудела условным сигналом: «Па-па! Па-па-па!» В окне на первом этаже немедленно появилось одутловатое лицо Валеры. Он радостно замахал ей сквозь стекло.

Когда она поднялась по нескольким ступенькам, он уже встречал ее в распахнутых дверях — в гигантской футболке размера XXXL, которую Таня привезла ему из Праги, в сатиновых спортивных штанах и разношенных тапочках на толстых ступнях.